

Wiera Biełousowa
Olsztyn

Гоголь сквозь розановскую призму „сказать сердце”

Тема *Н. Гоголь глазами В. Розанова* в последние десятилетия встречается во многих, не всегда специально посвященных ей, литературоведческих работах. Однако часто розановская истина, которая, по его собственным словам, существует „в полноте всех мыслей. Разом [...] в колебании”¹, которая „и то – не ложь – и это истина (В. Хлебников), выпрямляется, предстает в некоем упрощенном виде”. Так, в книге, выпущенной в 2008 г. к 200-летию со дня рождения писателя, читаем: „У Василия Розанова – сплошное обвинение во всех грехах!”². Действительно, наряду с восхищением и восторгом у Розанова содержится много нелюбимых мнений в адрес Гоголя: „За всю деятельность и во всем лице ни одной благородной черты [...]. Точно гад *ползет*”³ или заявление в письме к Страхову, что он всю жизнь боролся и ненавидел Гоголя и пр. Однако многообразная, амбивалентная розановская истина приобретает дополнительные смысловые и эмоциональные оттенки сквозь призму метафизического взгляда на личность гения, снимающую, на мой взгляд, уничижительную интонацию розановской критики, что вполне соответствует логике парадоксальности его мыслей. Она вытекает из специфики розановского ума, который „ищет и привязывается до безумия именно к «неразрешимому», именно к квадратуре круга, к жизненному эликсиру”⁴, влечется к потустороннему – „в мир неясного и нерешенного”. Розанова мучают неразгаданные, необъяснимые тревоги гоголевской души, её подспудные течения. В работе, которая принесла широкую известность автору, – *Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского* творчество Гоголя впервые оценивается не с точки зрения

¹ В.В. Розанов, *Уединённое*, соч. в 2-х т., Москва 1990, т. 2, с. 670.

² *Проповедь и исповедь Николая Гоголя*, Москва 2008, с. 6.

³ В.В. Розанов, *Уединённое...*, с. 506.

⁴ В.В. Розанов, *Легенда о Великом инквизиторе*, Москва 1996, с. 150.

прагматически-социологической, а сквозь призму философско-экзистенциального подхода. В статье *Как произошёл тип Акакий Акакиевича* Розанов замечает, что писатель изобразил в своем творчестве „причудливый и одинокий мир своей души”⁵, а в статье *Отчего не удался памятник Гоголю?* указывает на метафизико-психиатрический факт его литературного творчества, понимая его как смятение чувств, необыкновенное волнение, некую „революцию” в душе, что и заставляет читателя почувствовать через „словечки”, поставленные особо: „Темно... Боже, как темно в этом мире”⁶. Эта же мысль высказывается и в статье *Загадки Гоголя...*: „Гоголь, очевидно, был болен или очень страдал..., правдоподобнее всего предположить, что боль и страдание, возможный хаос и дезорганизация прошли не через ум его, а через совесть и волю... Здесь была какая-то запутанность, и в этом скрывается главный «икс», которого рассмотреть мы никак не можем”⁷. Вышеприведённые высказывания Розанова, повторяющиеся и в других работах, явно указывают, что главным в гоголевском творчестве будет для писателя-философа обнаружение того внутреннего виденья писателя, через которое можно раскрыть секрет трагического гения, его демоническое начало. Однако, на мой взгляд, личность Гоголя, его творчество предстает для Розанова не только как мучительная загадка, но и как мучительная тяга „рассудку вопреки” к этой загадке, как притяжение, окрашенное сочувствием и болью. Скорбно-лирическая тональность в отношении к личности писателя обнаруживается уже в статье *Как произошел тип Акакий Акакиевича* (1894): „рисую отрицательное – лишь там, где живопись достигает самой яркой выпуклости, самой высокой напряженности... – скорбь охватывает душу творца и изливается в лирическом отступлении, [...] обращаемом и к изображаемому человеку, но в истине своей – о самом *изображении* и о *себе*, *изобразившем*”⁸ (курсив автора).

Навязчивая очарованность гоголевским творчеством, некая внутренняя близость проявляется уже в том, как Розанов использует гоголевские образы: они буквально пронизывают все его произведения. Гоголевский НОС превращается у писателя-философа в символ

⁵ В.В. Розанов, *Мысли о литературе*, Москва 1989, с. 173.

⁶ *Ibidem*, с. 294.

⁷ В.В. Розанов, *О писательстве и писателях*, Москва 1995, с. 345.

⁸ *Ibidem*, с. 150.

собственной потребности докопаться до основ бытия, „фантастическое и вместе с тем гармоническое по составу творчество Леонтьева”⁹ сравнивается с безудержным танцем казака из *Тараса Бульбы*, безграничность охвата тем, их причудливое сочетание находит свою аналогию в полете Хомя Брута, а образ гоголевской тройки – один из самых любимых образов Розанова.

Образные сравнения, взятые из русской литературы, – одна из характерных черт розановского стиля: тут и Пушкин, и Тютчев, и Фет, и Лермонтов, поэтому кажется неуместным говорить об особом пристрастии к творчеству Гоголя. Но образам Гоголя всё же принадлежит особое место. Они превосходят все остальные как в количественном отношении, так и по манере употребления: во-первых, они чаще других присутствуют в теоретических текстах. Так, в *Предисловии* ко второму изданию *В мире неясного и нерешенного* приводится пример из *Утопленницы* Гоголя как символ новых идеалов „демонизма”, образ Вяя – как пример слияния с язычеством безнравственного, жестокого и развратного. Во-вторых, эти образы-символы в розановских текстах окутаны наибольшей „темнотой”, их трудно прочитывать, осмысливать, они как бы связаны с самыми нижними пластами иррационального „Я” писателя. Возникает ощущение некоего интуитивно-иррационального притяжения этих душ. Поэтому бесконечная „борьба” Розанова с Гоголем предстает как постоянная попытка схватить внешне неуловимые точки соприкосновения в глубинных психологических пластах их бытия, разобраться в тайнах запутанной своей души, которая „сплетена из грязи, нежности и грусти”¹⁰. Внутренняя противоречивость розановской природы, которую писатель ощущает в себе и которая отмечается многими, знавшими его близко, – Гиппиус, Мережковским, Бердяевым, Алексеем Ремизовым, – обвинения в неискренности, двуличии сопрягаются с гоголевской натурой и его писательской судьбой. Думается, неслучайно в работе *Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского* Розанов во вступлении говорит о неисчерпаемости души писателя, сравнивая его с колодезцем без дна, а саму работу начинает с описания повести Гоголя *Портрет*, которое служит ему поводом для размышлений о психологии творчества и сущности творческих натур: „Не выразил ли в нем Гоголь некоторой тайны художественной души, быть может, осознав её в себе самом?”¹¹ – пишет Розанов.

⁹ А. Корольков, *Пророчества Константина Леонтьева*, Санкт-Петербург 1991, с. 126.

¹⁰ В.В. Розанов, *Уединённое...*, т. 2, с. 246.

¹¹ В.В. Розанов, *Легенда о Великом...*, с. 11.

Именно гоголевское творчество служит писателю толчком для философского рассуждения: сам „образ творчества”, переданный Гоголем в *Портрете*, превращается в некую притчу, которая служит как бы ключом для истолкования чего-то более всеобщего – таланта вообще.

Указывая, что у каждого писателя есть один или несколько центров, вокруг которых „группируются все его создания”, которые пытаются высказать какую-то „мучительную мысль”, он всю жизнь и ищет эту „мучительную мысль” Гоголя. Неслучайно в *Предисловии* ко второму изданию *Легенды...* он пишет: „Нет в литературе нашей более неисповедимого лица и, сколько бы в глубь этого колодца вы ни заглядывали, никогда вы не проникнете его до дна...”¹².

В этом свете его „болезнь” Гоголем предстает как неопределимое творчески-психологическое влечение одной тайной души к другой, что, естественно, не могло не найти отражения в его творчестве. Связи розановского творчества с гоголевским можно определить как отрицание – притяжение. По принципу отрицания свяжет себя Розанов с творчеством Гоголя, во взгляде на жизнь противопоставив „мертвечине” его жизни, его отвращение ко всему действительному живую, спонтанную жизнь *Уединенного* и *Опавших листьев*; гоголевское отсутствие естественности в движении чувства, простоты в отношении к действительности, почти физиологическую естественность и подвижность чувства – мысли его последних произведений. Но роднить их будет то внутреннее одиночество, та дума Гоголя, которую Розанов будет всю жизнь разгадывать, и та одержимость творчеством, вне которого они оба немислимы, ибо творчество как бытие явится жизненной основой этих талантов.

Роднит его с Гоголем и „вечная гостья” – грусть, тема смерти, страх перед нею, сплав смеха и слёз, которые в розановском мышлении получают определение „ангелов”: „Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смеха и ангел слёз. И их вечное пререкание – моя жизнь”¹³, – пишет Розанов.

В творчестве Розанова найдет свое отражение и то, что так яростно отрицается им в Гоголе – развенчивание величия Отечества. Разве не разрушение идеалов, не „срывание масок” и розановский упрёк всей русской литературе, и готовность винить всю русскую историю и весь народ в гибели России, которые звучат в *Апокалипсисе*? „Русь слиняла в два дня. Самое большее в три... Не осталось царства, не осталось церкви, не

¹² Ibidem, с. 8.

¹³ В.В. Розанов, *Уединенное...*, т. 2, с. 217.

осталось войска. Что же осталось-то? Странным образом – буквально ничего”¹⁴.

Поэтому не удивительно, что Розанова многие современники определяют тем же, что и Гоголя понятием – „демонизм”, окольцовывают этих двух таких разных писателей некой общей метафизической аурой: „между тем все статьи обо мне начинаются определением: „демонизм в (Розанове)”. И ищут, ищут. Я читаю: просто – ничего не понимаю”. „Это не я”¹⁵.

Притягивает Розанова Гоголь и внутренней религиозной борьбой, тем раздвоением, которым мучается и Розанов.

И ещё две точки соприкосновения видятся мне в творчестве этих талантов: оба самовыворачиваются, самообнаруживаются. Гоголь через иронически-сатирическую скрытую форму в *Ревизоре* и в *Мёртвых душах* и через отчаянный, проповеднический крик души в *Выбранных местах* и в *Авторской исповеди*, Розанов – через осознанный литературный приём выступает перед читателем „нагишом”, „без кальсон”, высказывая все, что лежит на душе „сейчас”, „в данную секунду”.

Оба – лирики. Розанов высоко оценивает лирическое начало творчества Гоголя, видя в нем „плач художника над своей душой..., жалость, скорбь, незримые слезы сквозь видимый смех”¹⁶.

Лиризм же Розанова коренится в его понимании самой сути литературы: „сказать сердце”, посмотреть „на мелочи жизни” через точку души – откуда и лирика тона, душевность, отбрасываемая на весь внешний мир.

Streszczenie

Twórczość i osobowość Mikołaja Gogola oczyma Wasilija Rozanowa

W artykule rozpatruje się ambiwalentny stosunek W. Rozanowa do twórczości i osobowości M. Gogola. Określa się związek ich twórczości jako „przyciąganie przeciwieństw”.

Summary

The creation and personality of Nikolai Gogol in opinion of Vasily Rozanow

The article presents ambivalent relation of W. Rozanow to the creation and personality of N. Gogol. Is defining the bond between creation of Rozanow and Gogol as “repulsion – attraction”.

¹⁴ В.В. Розанов, *Сочинения*, Ленинград 1990, с. 469.

¹⁵ В.В. Розанов, *Уединенное...*, т. 2, с. 463.

¹⁶ В.В. Розанов, *Легенда о Великом...*, с. 149.